

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИРОНИИ

Дусматова Наргиза

магистрант 2 курса,

Термезский государственный университет

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6369514>

ИСТОРИЯ СТАТЬИ

Принято: 01 марта 2022 г.

Утверждено: 10 марта 2022 г.

Опубликовано: 14 марта 2022 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ирония; прагматика;
Грайс; максимы;
актуальность; эхо;
отношение.

АННОТАЦИЯ

В этой статье исследуется интерпретация иронии, которую анализируют традиционные подходы, такие как модель Грайса, наряду с другими тропами, такими как метафора, гипербола или преуменьшение. В подходе Грайса ирония рассматривается как открытое нарушение максимы качества (когда говорящий говорит что-то явно ложное). С этой точки зрения слушатель затем вынужден искать родственное предложение, которое восстановит применение максимы. В случае иронии родственным суждением является противоположное сказанному, которое выводится как импликатура высказывания.

ВВЕДЕНИЕ.

В традиционных подходах, таких как предложенный Грайсом, ирония рассматривается как троп, предполагающий замену буквального значения рассматриваемого выражения на образную, небуквальную интерпретацию. В случае иронии изменение заключается в замене того, что было сказано буквально, его противоположностью. Грайс следует этой классической традиции и утверждает, что: *“[in irony] it is perfectly obvious to A [the speaker] and his audience that what A has said or has made as if to say is something he does not believe, and the audience knows that A knows that this is obvious to the audience. So, unless A’s utterance is entirely pointless, A must be trying to get across some other proposition*

than the one he purports to be putting forward. This must be some obviously related proposition; the most obviously related proposition is the contradictory of the one he [the speaker] purports to be putting forward” (Grice 1989:34).

ПРЕДПОСЫЛКИ И АНАЛИЗ.

Эта цепочка рассуждений предполагает, что ирония возникает в результате пренебрежения максимой качества (то есть не говорите того, что вы считаете ложным). Это нарушение позволяет слушающему сделать вывод, противоположный тому, что было сказано, чтобы восстановить предположение, что максима действительно была соблюдена. Для иллюстрации рассмотрим следующий пример:

(1) В дождливый день:

Какой прекрасный день!

В этом типе примеров говорящий кодирует предложение, которое явно ложно в данной ситуации, поскольку дождливый день явно не воспринимается как прекрасный день (в нормальных обстоятельствах). С точки зрения Грайса, говорящий говорит нечто явно ложное и, следовательно, открыто нарушает максимум качества. Однако если слушающий предполагает, что говорящий на самом деле соблюдает принцип сотрудничества и максимум качества, то говорящий должен считаться сообщающим некое родственное предложение, которое удовлетворяло бы этому принципу (т. е. истинное предложение). Грайс утверждает, что родственное предложение, фактически переданное, противоположно тому, что было сказано буквально. Таким образом, говорящий будет передавать следующее предложение:

(2) Какой ужасный день!

Эта импликатура позволяет слушателю восстановить применение максимы качества, передав истинное предложение.

Тот же тип рассуждений (включая вопиющее нарушение максимы качества) применим и к другим типам тропов, например к метафорам. Что отличает каждый троп от других, так это тип сообщаемого родственного предложения. Таким образом, в то время как в иронии импликатура передает противоположное буквальному значению, в метафоре она передает связанное имплицативное сравнение между предполагаемым референтом и свойством, образно применяемым к нему в ситуации. В этом

отношении Грайс (1989:34) утверждает: *[metaphorical] examples ... involve categorial falsity, so the contradictory of what the speaker has made as if to say will, strictly speaking, be a truism; so it cannot be that that such a speaker is trying to get across. The most likely supposition is that the speaker is attributing to his audience some feature or features in respect of which the audience resembles (more or less fancifully) the mentioned substance*". Для иллюстрации рассмотрим следующий пример:

(3) Иоанн – ангел.

В этом типе примеров совершенно ясно, что говорящий не намеревается сообщить, что заинтересованное лицо является настоящим ангелом. Во-первых, неясно, существуют ли на самом деле ангелы, не говоря уже о том, что человек может быть одним из них. Таким образом, в подходе Грайса оратор пренебрегает принципом качества. Следовательно, чтобы восстановить его применение, слушатель должен вывести какое-то родственное предложение, удовлетворяющее максиме. В случае метафоры это связанное предложение должно быть связанным сравнением, например:

(4) Иоанн подобен ангелу.

Это сравнение позволяет слушателю удовлетворить требуемые стандарты общения, используя предложение, которое позволяет избежать нарушений наших коммуникативных ожиданий (то есть утверждение, которое является истинным).

Тот же тип рассуждений применим к другим тропам, таким как гипербола, где родственное суждение является более слабой имплицатурой, или преуменьшение, когда родственное

суждение является более сильной импликацией.

Чтобы проиллюстрировать эти два тропа, рассмотрим следующие примеры:

(5) Гипербола:

Джон — Эйнштейн.

(6) Преуменьшение:

Джон просто немного умен.

Как показано выше, первый пример включает в себя гиперболу, когда говорящий обычно рассматривается как намеревающийся сообщить что-то меньшее, чем сказано буквально. То есть слушатель должен ослабить сказанное и вывести импликацию, которая позволит ему восстановить применение максимы качества к чему-то истинному. Второй пример включает преуменьшение, когда обычно считается, что говорящий намеревается передать нечто большее, чем сказано буквально (т. е. Слушающий должен усилить сказанное). В этом случае слушатель должен сделать более сильный вывод, чтобы восстановить применение максимы качества. Сообщаемые импликации в обоих случаях будут соответственно следующими:

(7) Импликация, переданная через гиперболу:

Джон очень умен.

(8) Импликация, передаваемая преуменьшением:

Джон довольно умен.

Хотя гипербола и преуменьшение предполагают разрыв между буквальным и подразумеваемым значением, обычно в отношении такого рода коммуникативного феномена упоминается только ирония. Общей чертой этих разных типов тропов является несоответствие между тем, что

реально (например, истинное представление о мире), и тем, что ожидается (например, представлено смыслом рассматриваемого высказывания).

Этот контраст порождает несколько более специфических типов иронии, таких как словесная ирония, тогда как показанный выше разрыв находится между тем, что говорящий имеет в виду под высказыванием, и тем, что высказывание действительно означает буквально. Другие типы иронии включают самоиронию (где человек издевается над собой), иронию судьбы (где человек пытается избежать своей судьбы, чтобы в конечном итоге поддаться ей), романтическую иронию (где человек пытается избежать любви кого-то только для того, чтобы в конечном итоге пасть). влюблен в этого человека), драматическая ирония (где человек обманывает тип смерти несколько раз только для того, чтобы в конечном итоге умереть таким образом) и ситуационная ирония (где человек оказывается в ситуации, которую он изо всех сил пытался избежать или не собирался быть внутри). Все эти виды иронии связаны с некоторым несоответствием или разрывом между тем, что реально, с одной стороны, и тем, что ожидается или желательно, с другой. Последующая дискуссия сосредоточена именно на первом типе иронии, то есть на словесной иронии (которая также известна как сарказм, особенно в США).

ПРОБЛЕМЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Как обсуждалось выше, традиционные подходы к иронии рассматривают это явление как пограние максимы качества. Они также утверждают, что

существует произвольная связь между тем, что говорится, и тем, что имеется в виду, предполагая то, что говорящий на самом деле имеет в виду, противоположно тому, что он говорит. Одна из первых проблем для этого типа подхода заключается в том, что он не говорит, усваивается ли эта условность или учится, поскольку не предлагается никакого объяснения того, почему у нас вообще есть ирония. Например, неясно, является ли, с этой точки зрения, ирония результатом спонтанной интерпретации, как и другие формы вербальной коммуникации, или нам нужно научиться ее интерпретировать. Было бы разумно предположить, что, учитывая конвенциональный характер анализа, ожидается, что в одних культурах он будет, а в других нет (или, по крайней мере, будет по-другому). Однако проблема подхода Грайса заключается в том, что имеющиеся данные свидетельствуют о том, что ирония возникает спонтанно во всех культурах, как и другие формы вербального общения. Его не нужно изучать или преподавать как особый случай, чтобы люди могли его воспроизвести или понять. Это приходит к нам естественным образом. Однако это не означает, что нет никаких ограничений на ее использование, поскольку кажется очевидным, что не всегда уместно прибегать к иронии в вербальном общении (например, когда это может показаться слушателям оскорбительным, в очень серьезных ситуациях и т. д.). Точно так же интерпретация иронии может зависеть от культурных знаний. Оно может возникнуть только тогда, когда

слушателям доступны определенные контекстуальные предположения.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются традиционные описания, заключается в том, что они рассматривают иронию как косвенную форму коммуникации, поскольку она предполагает передачу не прямого буквального смысла рассматриваемого высказывания, а его противоположности. С точки зрения теории релевантности можно предсказать, что эта косвенность вызовет дополнительные когнитивные усилия, которые необходимо будет компенсировать дополнительными или другими когнитивными эффектами. Если бы говорящий не собирался сообщать об этих дополнительных или иных эффектах, он мог бы сообщить о своих намерениях более экономно, прямо произнеся то, что он имел в виду. Это позволит избежать косвенности и дополнительных когнитивных затрат, необходимых при его обработке. Для иллюстрации снова рассмотрим приведенный выше пример иронии. Если бы в дождливый день оратор хотел только сказать, что это был ужасный день, он мог бы сказать это более экономно, прямыми средствами, как показано ниже еще раз:

(9) Какой ужасный день!

Производя это прямое высказывание, говорящий избавил бы слушающего от дополнительных усилий по обработке, необходимых для обработки косвенной иронии. Этот аспект, похоже, не учитывается в традиционных счетах.

Еще одна проблема для традиционного описания связана со связью между тем, что сказано, и тем, что имеется в виду, поскольку не очевидно, почему

слушатели должны делать противоположное тому, что сказано. Если при интерпретации иронии предполагается, что слушатели ищут родственное суждение, они в принципе могли бы вывести любое родственное суждение, а не прямо противоположное. Другими словами, этот тип счета кажется слишком свободным. Что нам нужно, так это некая рациональная процедура для вычисления того, что имеется в виду, исходя из того, что сказано. Например, одной из возможностей было бы ограничение вывода подразумеваемых импликаций (возможно, таким же образом, как и конвенциональная импликатура Грайса), что привело бы к более конвенциональному описанию иронии. Этот тип проблемы побудил Грайса пересмотреть свой анализ. В своей более поздней работе он (1989:53) признает, что «в этом рассказе [иронии] чего-то не хватает». Пытаясь сформулировать свои опасения, он обсудил ситуацию следующего типа. Двое друзей идут по улице и видят разбитую витрину, в этот момент друг А говорит следующее:

(10) Смотри, витрина этого магазина в отличном состоянии.

Услышав это, друг Б, скорее всего, смутится, так как неясно, что имелось в виду под этим замечанием. Затем друг А

может объяснить, что на самом деле он имел в виду, что пытался иронизировать, говоря что-то, что противоречило тому, что они видели перед собой. В этом типе примера объяснение Грайса предсказывает, что ироническая интерпретация должна была быть успешной, поскольку сказанное было явно неправдой (т. е. они видели перед собой разбитое окно), а то, что имелось в виду, было противоположным тому, что было сказано. было сказано.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Было отмечено, что традиционные подходы к иронии группируют ее вместе с другими тропами, такими как метафора, гипербола и преуменьшение. При таком подходе все эти тропы имеют общее свойство заключать в себе некоторое несоответствие между тем, что говорится, и тем, что имеется в виду. В случае подхода Грайса ирония рассматривается как нарушение максимы качества, когда говорящий высказывает заведомо ложное суждение и делает вывод о родственном истинном суждении как импликатура, тем самым восстанавливая предположение о том, что максима были соблюдены.

Литературы:

1. Грайс, Х.П. (1989) Исследования в области слов. Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета.
2. Салмани Нодушан, Массачусетс (2015а). «Обзор межкультурной прагматики». Прагматика и общество, 6 (1): 152–156. DOI 10.1075/ps.6.1.08нод

3. Кинан, Э.О. (1976) «Об универсальности разговорных импликатур». Язык и общество 5: 67-80.
4. Кемпсон Р. (1977) Семантическая теория. Кембридж: Издательство Кембриджского университета.
5. Hugly, P. & Sayward, C. (1979) «Проблема разговорной импликации». Linguistics & Philosophy 3: 19-25.